

Не будучи дѣломъ убѣжденія, неизбежнаго въ своихъ основахъ и неизмѣнно равнаго самому себѣ, нетерпимость Каткова была не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ властолюбивой натуры, не выносящей спора и противорѣчій. Стремленіе уничтожить противника было свойственно редактору „Русскаго Вѣстника“ даже въ лучшее время его дѣятельности; припомнимъ, напримѣръ, знаменитую въ свое время травлю профессора Крылова или объявленіе о книгѣ Гнейста, пропавшей изъ редакціоннаго кабинета. Параллельно съ вліяніемъ обвинителя возрастало число, возрастало и значеніе обвиняемыхъ. Удары направлялись все выше и выше, выходя изъ прежняго источника и сохраняя прежній характеръ. Ихъ жертвой становились, рядомъ съ отдѣльными лицами, цѣлыя народности, цѣлыя корпораціи, цѣлыя учрежденія. *Прочь съ дороги!*—таковъ былъ, особенно въ послѣднее время, девизъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Не раздѣляло ихъ программы какое-либо періодическое изданіе — оно провозглашалось опаснымъ и зловреднымъ; не правился имъ государственный человѣкъ, виновный только въ томъ, что продолжалъ вѣрить кое-чему изъ прежней ихъ доктрины — ему приписывались тенденціи, несогласныя съ намѣреніями правительственной власти; замедлялось разсмотрѣніе одобренныхъ ими проектовъ—это объяснялось происками *партии*, стремленіемъ къ парламентаризму. Это была настоящая мономанія, непрерывно выбрасывавшая цѣлый потокъ инсинуаций, подозрѣній, обвинительныхъ пунктовъ. Старинное „слово и дѣло“ вышло изъ своей могилы и стало ходить по улицамъ Москвы, выкликаемое газетными листами. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ имя Каткова занимало одно изъ первыхъ мѣстъ въ спискѣ „подозрительныхъ людей“, составленномъ по распоряженію графа Закревскаго; четверть вѣка спустя такой же списокъ ведется газетой, во главѣ которой стоитъ Катковъ. Нельзя сказать, чтобы превращеніе изъ преслѣдуемаго въ преслѣдователя было большою рѣдкостью—но почетнымъ для превратившагося оно ни въ какомъ случаѣ названо быть не можетъ.

Во имя чего, однако, Катковъ выступалъ обвинителемъ и судьей, въ чемъ заключалась *положительная* подкладка его нетерпимости? Въ первое время его журнальной дѣятельности его программа была довольно опредѣленна — опредѣленна и въ томъ, противъ чего онъ боролся, и въ томъ, чего онъ домогался. Позже, начиная съ половины шестидесятихъ годовъ, сторона борьбы рѣшительно беретъ верхъ надъ стороною созиданія. Совершенно правы тѣ, кто называетъ Каткова отрицателемъ по преимуществу. А между тѣмъ, единственнымъ возможнымъ извиненіемъ нетерпимости служить именно творческая идея. Только она можетъ оправдать, до извѣстной сте-